

**Перевод как интерпретация исторического события: период репрессий глазами переводчиков
«Реквиема» Анны Ахматовой**

Перевод художественных произведений, основанных на исторических событиях, неизменно требует от переводчика большого внимания и высокой степени осведомленности о данном историческом периоде. Прежде всего, художественно-исторический текст может представлять сложность потому, что любое историческое событие неразрывно связано с жизнью конкретного народа, и вызывает у представителей этого народа определенные чувства. Порой испытанные нацией чувства настолько сильны и универсальны, что можно утверждать, что в результате эти чувства становятся частью национального характера. Например, гордость за свободу, обретенную в результате победы в Войне за Независимость, является отличительной чертой американского национального характера. Трепетная любовь к памятникам православия характеризует болгарский народ, в течение долгих столетий оберегавший свою национальную культуру от разрушительных действий Османской империи. Убежденность в принципах равенства и справедливости разделяет большинство представителей французской нации, долго отстаивавшей свои права в нелегкой борьбе.

Переживаемые народом чувства порой трудно поддаются переводческой интерпретации, особенно в случае если переводчик является представителем иной, даже близкородственной культуры. Передаваемое в художественном тексте описание исторических событий, как правило, сопряжено с описанием настроений, царивших в данный исторический период. Эти настроения и эмоции могут представлять лауну не только для рядового иноязычного читателя, но и для подготовленного переводчика, и вызывать серьезные помехи в переводческой интерпретации текста. Так, живущие за пределами США склонны менее драматично воспринимать события Великой Депрессии, а европейцам и американцам не всегда понятно развитие эмоциональной истории народов постсоветского пространства в первые годы после распада страны. Поэтому при работе с художественно-историческими текстами крайне важно соблюдение переводческого принципа, обозначенного Ю. Найдой принципом уважения к содержанию оригинала [1: 58]. Это уважение предполагает не только высокую степень ознакомления с переводимым материалом, но и демонстрацию переводчиком эмпатии, сопереживания автору и изображаемому.

Историзм – особая черта творчества Анны Ахматовой. Еще Осип Мандельштам определил поэтический талант Ахматовой следующим образом: «Она – плотоядная чайка: где исторические события, там слышится голос Ахматовой, и события – только гребень, верх волны» [2: 604]. Так, поэма «Реквием» [3] посвящена трагическим событиям тридцатых годов, тяготы которых Ахматова разделила со своим народом. Воспоминания об арестах и тюремном заключении ее сына Л.Н. Гумилева и мужа Н.Н. Пунина по обвинениям в антисоветской деятельности создали событийную основу поэмы. Но «Реквием» – это не только история семейной драмы Ахматовой. Само название «Реквием», традиционно обозначающее католическую заупокойную мессу, говорит о том, что перед нами поминальная молитва по миллионам загубленных и искалеченных историей людей. «Реквием» – это история страданий целого народа, представители которого не только пережили страшные личные утраты, но и страдали всем миром за будущее своего общества.

Для рассмотрения особенностей перевода «Реквиема» ниже предложены к рассмотрению самые известные из имеющихся переводов данного произведения: переводы, выполненные известной американской исследовательницей творчества Ахматовой Джудит Хемшмайер [4], британским переводчиком Дональдом Томасом [5] и парой крупнейших американских переводчиков Стэнли Кунитцем и Максом Хейвордом [6].

Сравнительный анализ текстов оригинала и переводов обнаруживает общую тенденцию иностранных переводчиков в подходе к тексту «Реквиема». Все переводчики единодушно рассматривают сохранение мелодики оригинала как одну из приоритетных задач; кроме того все представленные здесь переводчики считают необходимым сообщить тексту перевода эмотивность ахматовской поэмы. Именно проблематика передачи эмотивности и является центральной в работе над переводами «Реквиема». Большинство переводчиков обнаруживают склонность воспринимать «Реквием» как описание личной трагедии Анны Ахматовой. Отсюда наблюдается тенденция перенасыщения текста эмоциями, в то время как главная черта текста «Реквиема» – торжественная, почти священная сдержанность. Не всепоглощающее личное горе, а вечная, неподвластная времени скорбь является центральной темой ахматовского текста. Рассмотрим, к примеру, эпиграф к поэме, написанный самой же Ахматовой в 1961 году:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Кунитц и Хейворд переводят это четверостишие следующим образом:

No foreign sky protected me,
No stranger's wing shielded my face.
I stand witness to the common lot,
Survivor of that time, that place.

Несмотря на достаточно точный и образный перевод двух первых строк, впечатление от эпиграфа теряется из-за третьей и четвертой строки, в которых наблюдается не только потеря хиазма, но и серьезная утрата авторского замысла. Английское "I stand witness" («я была свидетелем») создает ощущение отстраненности лирической героини от своего народа, впечатление того, что она выступала сторонним наблюдателем чужого горя. Особенно неуместным представляется использование указательных местоимений в словосочетаниях "that time" и "that place". «Там, где мой народ, к несчастью, был» – это не указание на место и время, а указание на состояние страха и отчаяния, в котором находились современники Ахматовой. Искренняя любовь Ахматовой к Петербургу-Ленинграду никогда не позволила бы ей охарактеризовать родной город как «это место».

С другой стороны, перевод эпиграфа, выполненный Д.М. Томасом, достаточно точно воспроизводит как мелодику, так и содержание оригинала:

No, not under a foreign heavenly-cope, and
Not canopied by foreign wings
I was with my people in those hours,
There where, unhappily, my people were

Ахматовское «мой народ» верно передается сочетанием "my people", а неопределенное «там» напрямую переводится наречием "there". Метафора "a foreign heavenly-cope" не вполне характерна для Ахматовой, у которой видим прямое «не под чуждым небосводом», но оправдан повтор прилагательного в первой и второй строках именно так, как это сделано в оригинале.

Наиболее удачным представляется вариант перевода эпиграфа, выполненный Джудит Хемшмайер:

No, not under the vault of alien skies,
And not under the shelter of alien wings –
I was with my people then,
There, where my people, unfortunately, were.

Особенно удачным кажется выбор слова "alien" вместо "foreign", как это сделано у других переводчиков, поскольку Ахматова, используя сочетания «чуждый небосвод» и «чуждые крылья», говорит не об эмиграции, а об отстраненности, безучастности народному горю вне зависимости от того, где находится человек.

Иногда в переводах получают отражение сформировавшиеся за рубежом стереотипные представления о русской истории, не имеющие сходства с действительностью. Например, серьезные трудности вызвали следующие строки Ахматовой:

Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

Достаточно сложная для декодирования аллюзия Ахматовой во многом стала камнем преткновения для англоязычных переводчиков, поскольку Ахматова в данном случае ссылается даже не столько на историческое событие 1698 года, сколько на известное каждому россиянину полотно В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни». Д.М. Томас пытается полностью нивелировать реалию, но, в итоге, на смену одной лакуне создает другую:

I shall go creep to our wailing wall,
Crawl to the Kremlin towers.

У Кунитца и Хейворда в тексте перевода присутствует историческая неточность:

Like the wives of Peter's troopers in Red Square
I'll stand and howl under the Kremlin towers.

Стрельцов в данном случае невозможно назвать "Peter's troopers" («войско Петра»), поскольку в условиях стрелецкого бунта 1698 года стрельцы стояли в оппозиции петровской власти.

Нельзя не привести и вовсе неожиданный пример перевода британского поэта-переводчика Тони Кляйна [7]:

I'll be, like a woman to be shot,
dragged to the Kremlin wall.

В XX веке не было случаев расстрела у Кремлевской стены; не известно также ничего о расстрелах стрелецких жен в конце XVII века. Многие из стрелецких семей были высланы указом Петра I из Москвы, однако приказов об их массовых расстрелах Петром не отдавалось.

Наиболее точным, а также и наиболее музыкальным, является перевод Джудит Хемшемайер:

I will be like the wives of the Streltsy
Howling under the Kremlin towers.

К неизвестной англоязычному читателю реалии «стрельцы» переводчица дает концевую сноску, поясняя, кем были стрельцы и каковой была их роль в русской истории. Следует отметить также и фонетические особенности перевода Хемшемайер, отражающие представленное у Ахматовой звукоподражание. В оригинале Ахматова имитирует плач, ставя под ударения звуки [а], [я], [ы], ассоциирующиеся у русскоязычного читателя с плачем. Хемшемайер использует для этой цели дифтонги: [au] и [ai], вызывающие у англоязычных читателей те же ассоциации.

Интересны и решения, принятые переводчиками при работе над «Эпилогом» «Реквиема», состоящим из двустуший, звучащих как колокольный звон по всем погибшим и потерявшим родных в жестокие тридцатые годы. В частности, вспоминая о тысячах женщин, стоявших вместе с нею в длинных очередях, чтобы добиться тюремных свиданий, Ахматова говорит:

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

«Покров» в данном случае – это и есть сам «Реквием» Ахматовой, памятник национальному горю. Однако не все переводчики единодушны в интерпретации этих строк. Так, Д.М. Томас переводит их следующим образом:

I have woven for them a great shroud
Out of the poor words I overheard them speak.

Использование слова «саван» трагически ошибочно в данном контексте, поскольку Ахматова в своей поэме не хоронит и не поминает своих друзей по несчастью, а, напротив, создает бессмертный образ женщин, ставших опорой своим мужьям и детям. Более точны в своей интерпретации оригинала Кунитц и Хейворд:

I've woven them a garment that's prepared
out of poor words, those that I overheard.

Несколько иначе переводит данное двустушие Джудит Хемшемайер:

I have woven a wide mantle for them
From their meager, overheard words.

В переводе Хемшемайер особо хочется отметить использование слова “meager” в значении «бедный». Действительно, «бедные слова» у Ахматовой не означает «достойные жалости», как это восприняли остальные переводчики, а именно «скудные», «скупые». Еще в начале поэмы Ахматова говорит о тишине и немногословности тюремных очередей: «там все говорили шепотом».

К сожалению, объем статьи не допускает подробного рассмотрения и сопоставления всех имеющихся примеров. Однако в качестве вывода следует отметить, что иноязычные поэты-переводчики склонны видеть в ахматовском «Реквиеме» скорее разговор о личных несчастьях лирической героини, нежели заупокойную службу по всем погибшим. В переводах часто утрачивается мотив единения поэта с народом в годы несчастья. «Реквием» Ахматовой – это поэма об общей беде, произведение эпического масштаба. Следует отметить, что это прекрасно прочувствовала и продемонстрировала в своем переводе Джудит Хемшемайер, выучившая русский язык под впечатлением стихотворений Ахматовой и увидевшая свое предназначение в переводе стихов любимого поэта на английский язык [8: IX]. Таким образом, перевод исторических произведений требует от переводчика особого внимания и подготовленности. Достижение эквивалентного эффекта возможно лишь при условии понимания культурного контекста оригинала [9: 129] и ассоциаций, которыми окутан тот или иной исторический период в сознании народа, а также писателя или поэта, фиксирующего в своем произведении память своих соотечественников.

Литература

1. Nida E.A. Framework for Analysis and Evaluation of Theories of Translation // Translation: Applications and Research / Ed. by R.W. Brislin. – N.Y.: Gardner Press, 1976. – P. 47 – 91.
2. Кралин М.М. Времена Ахматовой // Ахматова А.А. В то время я гостила на земле... – СПб: Лениздат, 1995. – С. 599 – 606.
3. Ахматова А.А. В то время я гостила на земле... – СПб: Лениздат, 1995.
4. The Complete Poems of Anna Akhmatova. Translated by Judith Hemschemeyer. – Boston: Zephyr Press, 1992.
5. Akhmatova A. Requiem; A Poem Without a Hero. Translated by D.M. Thomas. – London: Elek, 1976.
6. Poems of Akhmatova. Selected, Translated and Introduced by Stanely Kunitz and Max Hayward. – Mariner Books, 1973.
7. <http://tkline.pgcc.net/PITBR/Russian/Akhmatova.htm>.
8. Bunimovich M. Introduction // Contemporary Russian Poetry. An Anthology / Ed. by E. Bunimovich & J. Kates. – Boston: Zephyr Press, 2008. – P. IX – XV.
9. Nida E.A. Principles of Correspondence // The Translation Studies Reader / Ed. by L. Venuti. – London & New York: Routledge, 2001. – P. 126 – 140.